

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. ГОРЬКОГО

М. ГОРЬКИЙ М а т ь

О Матерях можно рассказывать бесконечно.

Уже несколько недель город был обложен тесным кольцом врагов, закованных в железо; по ночам зажигались костры, и огонь смотрел из черной тьмы на стены города множеством красных глаз — они пылали злорадно, и это подстерегающее горение вызывало в осажденном городе мрачные думы.

Со стен видели, как все теснее сжималась петля врагов, как мелькают вокруг огня их черные тени; было слышно ржание сытых лошадей, доносился звон оружия, громкий хохот, раздавались веселые песни людей, уверенных в победе, — а что мучительнее слышать, чем смех и песни врага?

Все ручьи, питавшие город водою, враги забросали трупами, они выжгли виноградники вокруг стен, вытоптали поля, вырубали сады — город был открыт со всех сторон, и почти каждый день пушки и мушкеты врагов осыпали его чугуном и свинцом.

По узким улицам города угрюмо шагали отряды солдат, истомленных боями, полуголодных; из окон домов изливались стоны раненых, крики бредя, молитвы женщин и плач детей. Разговаривали подавленно, вполголоса и, оставившая на полуслове речь друг друга, напряженно вслушивались — не идут ли на приступ враги?

Особенно невыносимой становилась жизнь с вечера, когда в тишине стоны и плач звучали яснее и обильнее, когда из ущелий отдаленных гор выползали синие-черные тени и, скрывая вражий стан, двигались к полуразбитым стенам, а над черными зубцами гор являлась луна, как потерянный щит, избитый ударами мечей.

Не ожидая помощи, изнуренные трудами и голодом, с каждым днем теряя надежды, люди в страхе смотрели на эту луну, острые зубья гор, черные пасти ущелий и на шумный лагерь врагов — все напоминало им о смерти, и ни одна звезда не блеснула утешительно для них.

В домах боялись зажигать огонь, густая тьма заливала улицы, и в этой тьме, точно рыба в глубине реки, безмолвно мелькала женщина, с головой закутанная в черный плащ.

Люди, увидав ее, спрашивали друг друга:

— Это она?

— Она!

И прятались в ниши под воротами или, опустив головы, молча пробегали мимо нее, а начальники патрулей сурово предупреждали ее:

— Вы снова на улице, монна Марианна? Смотрите, вас могут убить, и никто не станет искать виновного в этом...

Она выпрямлялась, ждала, но патруль проходил мимо, не решаясь или брезгуя поднять руку на нее; вооруженные люди обходили ее, как труп, а она оставалась во тьме и снова тихо, одиноко шла куда-то, переходя из улицы в улицу, немая и черная, точно воплощение несчастий города, а вокруг, преследуя ее, жалобно ползали печальные звуки: стоны, плач, молитвы и угрюмый говор солдат, потерявших надежду на победу.

Гражданка и мать, она думала о сыне и родине: во главе людей, разрушавших город, стоял ее сын, веселый и безжалостный красавец; еще недавно она смотрела на него с гордостью, как на драгоценный свой подарок родине, как на добрую силу, рожденную ею в помощь людям города — гнезда, где она родилась сама, родила и выкормила его. Сотни неразрывных нитей связывали это сердце с древними камнями, из которых ее предки построили дома и сложили стены города, с землей, где лежали кости ее кровных, с легендами, песнями и надеждами людей — терзало это сердце ближайшего ему человека и плакало: было оно, как весы, но, взвешивая в нем любовь к сыну и городу, она не могла понять — что легче, что тяжелее?

Так ходила она ночами по улицам, и многие, не узнавая ее, пугались, принимали черную фигуру за олицетворение смерти, близкой всем, а узнавая — молча отходили прочь от матери изменника.

Но однажды, в глухом углу, около городской стены, она увидела другую женщину: стоя на коленях около трупа, неподвижная, точно кусок земли, она молилась, поднимая скорбное лицо к звездам, а на стене, над головой ее, тихо переговаривались сторожевые, и скрежетало оружие, задевая камни зубцов.

Из сказок об Италии

Мать изменника спросила:

— Муж?

— Нет.

— Брат?

— Сын. Муж убит тринадцать дней тому назад, а этот — сегодня.

И, поднявшись с колен, мать убитого покорно сказала:

— Мадонна все видит, все знает, и я благодарю ее!

— За что? — спросила первая, а та ответила ей:

— Теперь, когда он честно погиб, сражаясь за родину, я могу сказать, что он возбуждал у меня страх: легкомысленный, он слишком любил веселую жизнь, и было боязно, что ради этого он изменит городу, как это сделал сын Марианны, враг бога и людей, предводитель наших врагов, будь он проклят и будь проклято чрево, носившее его!..

Закрыв лицо, Марианна отошла прочь, а утром на другой день явилась к защитникам города и сказала:

— Или убейте меня за то, что мой сын стал врагом вашим, или откройте мне ворота, я уйду к нему...

Они ответили:

— Ты — человек, и родина должна быть дорога тебе; твой сын такой же враг для тебя, как и для каждого из нас.

— Я — мать, я его люблю и считаю себя виновной в том, что он таков, каким стал!

Тогда они стали советоваться, что сделать с ней, и решили:

— По чести — мы не можем убить тебя за грехи сына, мы знаем, что ты не могла внушить ему этот страшный грех, и догадываемся, как ты должна страдать. Но ты не нужна городу даже как заложница — твой сын не заботится о тебе, мы думаем, что он забыл тебя, дьявол, и — вот тебе наказание, если ты находишь, что заслужила его! Это нам кажется страшнее смерти!

— Да! — сказала она. — Это — страшнее.

Они открыли ворота перед ней, выпустили ее из города и долго смотрели со стены, как она шла по родной земле, густо насыщенной кровью, пролитой ее сыном: шла она медленно, с великим трудом отрывая ноги от этой земли, кланаясь трупам защитников города, брезгливо отталкивая ногою поломанное оружие — матери ненавидят оружие нападения, признавая только то, которым защищается жизнь.

Она как будто несла в руках под плащом чашу, полную влагой, и боялась расплескать ее; удаляясь, она становилась все меньше, а тем, что смотрели на нее со стены, казалось, будто вместе с нею отходит от них уныние и безнадежность.

Видели, как она на полпути остановилась и, сбросив с головы капюшон плаща, долго смотрела на город, а там, в лагере врагов, заметили ее, одну среди поля, и не спеша, осторожно к ней приближались черные, как она, фигуры.

Подожгли и спросили — что она, куда идет?

— Ваш предводитель — мой сын, — сказала она, и ни один из солдат не усумнился в этом. Шли рядом с нею, хвалебно говоря о том, как умен и храбр ее сын, она слушала их, гордо поднимая голову, и не удивлялась — ее сын таков и должен быть!

И вот она пред человеком, которого знала за девять месяцев до рождения его, пред тем, кого она никогда не чувствовала вне своего сердца, — в шлемке и бархате он пред нею, и оружие его в драгоценных камнях. Все — так, как должно быть, именно таким она видела его много раз во сне — богатым, знаменитым и любимым.

— Мать! — говорил он, целуя ее руки. — Ты пришла ко мне, значит — ты поняла меня, и завтра я возьму этот проклятый город!

— В котором ты родился, — напомнила она.

Опыленный подвигами своими, обезумевший в жажде еще большей славы, он говорил ей с дерзким жаром молодости:

— Я родился в мире и для мира, чтобы поразить его удивлением! Я щадил этот город ради тебя — он как нож в ногу моей и мешает мне так быстро идти к славе, как я хочу этого. Но теперь — завтра — я разрушу гнездо упрямцев!

— Где каждый камень знает и помнит тебя ребенком, — сказала она.

— Камни — немые, если человек не заставит их говорить, — пусть горы заговорят обо мне, вот чего я хочу!

— Но — люди? — спросила она.

— О, да, я помню о них, мать! И они мне нужны, ибо только в памяти людей бессмертны герои!

Она сказала:

— Герой — это тот, кто творит жизнь вопреки смерти, кто побеждает смерть...

— Нет! — возразил он. — Разрушающий также славен, как и тот, кто создает города. Посмотри — мы не знаем, Эней или Ромул построили Рим, но — точно известно имя Алариха и других героев, разрушавших этот город...

— Который пережил все имена, — напомнила мать.

Так говорил он с нею до заката солнца; она все реже перебивала его безумные речи, и все ниже опускалась ее гордая голова.

Мать — творит, она — охраняет, и говорит при ней о разрушении — значит говорить против нее, а он не знал этого и отрицал смысл ее жизни.

Мать — всегда против смерти; рука, которая вводит смерть в жилища людей, ненавистна и враждебна Матерям, — ее сын не видел этого, ослепленный холодным блеском славы, убивающим сердце.

И он не знал, что Мать — зверь столь же умный, безжалостный, как и бесстрашный, если дело идет о жизни, которую она, Мать, творит и охраняет.

Сидела она согнувшись, и сквозь открытое полотнище богатой палатки предводителя ей был виден город, где она впервые испытала сладостную дрожь зачатия и мучительные судороги рождения ребенка, который теперь хочет разрушить.

Багряные лучи солнца обливали стены и башни города кровью, злое блески стекла окон, весь город казался израненным, и через сотни ран лился красный сок жизни; шло время, и вот город стал чернеть, как труп, и точно погребальные свечи зажглись над ним звезды.

Она видела там, в темных домах, где боялись зажечь огонь, дабы не привлечь внимания врагов, на улицах, полных тьмы, запаха трупов, подавленного шопота людей, ожидающих смерти, — она видела все и всех; знакомое и родное стояло близко перед нею, молча ожидая ее решения, и она чувствовала себя матерью всем людям своего города.

С черных вершин гор в долину спускались тучи и, точно крылатые кони летели на город, обреченный смерти.

— Может быть, мы обрушимся на него еще ночью, — говорил ее сын, — если ночь будет достаточно темна! Неудобно убивать, когда солнце смотрит в глаза и блеск оружия ослепляет их — всегда при этом много неверных ударов, — говорил он, — рассматривая свой меч.

Мать сказала ему:

— Или сюда, положи голову на грудь мне, отдохни, вспоминая, как весел и добр был ты ребенком и как все любили тебя...

Он послушался, прилег на колени к ней и закрыл глаза, говоря:

— Я люблю только славу и тебя — за то, что ты родила меня таким, каков я есть.

— А женщины? — спросила она, наклонясь над ним.

— Их — много, они быстро надоедают, как все слишком сладкое.

Она спросила его в последний раз:

— И ты не хочешь иметь детей?

— Зачем? Чтобы их убили? Это — никуда, подобный мне, убьет их, а мне это будет больно, и тогда я уже буду стар и слаб, чтобы отомстить за них.

— Ты красив, но бесплоден, как молния, — сказала она, вздохнув.

Он ответил, улыбаясь:

— Да, как молния...

И задремал на груди матери, как ребенок.

Тогда она, накрыв его своим черным плащом, воткнула нож в сердце его, и он, вздрогнув, тотчас умер — ведь она хорошо знала, где бьется сердце сына. И, сбросив труп его с колен своих к ногам изумленной стражи, она сказала в сторону города:

— Человек — я сделала для родины все, что могла; Мать — я остаюсь со своим сыном! Мне уже поздно родить другого, жизнь моя никому не нужна.

И тот же нож, еще теплый от крови его — ее крови — она твердой рукой вонзила в свою грудь и тоже верно попала в сердце, — если оно болит, в него легко попасть.

ГОРЬКОВСКИЕ ДНИ

МОСКВА. Москвичи, как и все трудящиеся нашей страны, отмечают 85-ю годовщину со дня рождения основоположника советской литературы, великого русского писателя Алексея Максимовича Горького. Гениальному художнику слова посвящаются литературные чтения, вечера, научные сессии.

Институт мировой литературы, носящий имя великого русского писателя, 27 и 28 марта проводит «Горьковские чтения». Будут заслушаны доклады, освещающие различные стороны творчества гения русской и мировой литературы.

Вечера, посвященные А. М. Горькому, состоятся в Центральном Доме литераторов и в Центральном Доме работников искусств.

ОДЕССА. В Одесской государственной научной библиотеке имени А. М. Горького открылась книжно-иллюстративная выставка, посвященная великому писателю-борцу. В первом разделе «А. М. Горький — близкий друг великих во-

дей революции» представлены документы, письма и высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина об Алексее Максимовиче и его творчестве, фото-репродукция знаменитого горьковского произведения «Девушка и смерть» с надписью И. В. Сталина, фотоиллюстрации о встречах А. М. Горького с В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

В Домах культуры и сельских клубах области устраиваются горьковские литературные вечера.

СМОЛЕНСК. В библиотеках, учебных заведениях и клубах города А. М. Горькому посвящаются выставки литературы, специальные вечера, доклады и лекции.

Ближние выставки открыты в библиотеках Сталинского и Красноармейского районов. Большие выставки книг оформляются в читальном и абонементном залах областной библиотеки имени Ленина и Загворьевской библиотеки.

Городская детская библиотека устраивает совместно с Домом пионеров горьковский вечер. Пионерский актив, читатели библиотеки услышат доклад о жизни и творчестве Горького. Сотрудники библиотеки проведут со школьниками беседы о литературной деятельности великого писателя и прочитают им отрывки из его произведений.

На вечере учащихся старших классов в 26-й средней школе после доклада о Горьком будут прочитаны отрывки из произведений писателя.

В педагогическом училище учителя расскажут учащимся о жизненном пути и творчестве писателя, в классах выйдут специальные номера стеновых газет.

Члены Смоленского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний выступают в эти дни перед смолянами с лекциями о творческом пути А. М. Горького. Такие лекции состоятся в клубе железнодорожников имени Андреева, на механическом заводе, в облпрофсовете и т. д.